

Меньшиков Михаил Осипович

Критические очерки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М69

М69 **Михаил Осипович М.**
Критические очерки / Меньшиков Михаил Осипович – М.: Книга по Требова-
нию, 2023. – 410 с.

ISBN 978-5-519-96248-3

ISBN 978-5-519-96248-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Оглавление.

	Стр. :=
Работа совести.	150.-
Две правды.	51, 118.-
Лифературная хворь.	119, 157.-
Большая воля.	158, 188.-
Нравственное вдохновение.	189, 244.-
Старые и молодые фаланги.	245, 261.-
Оскорбительный чини.	262, 293.-
Поэт. Богавырь.	294, 329.-
Художественная проповедь.	330, 352.-
Силиев с дороги.	353, 387.-
Великое дефество.	388, 399.-
Добрый юмор.	400, 404.-

Работа совѣсти.

(По поводу статьи „Недѣланіе“ г-р. Л. Н. Толстого).

La magnanimité méprise tout pour
avoir tout.

La Rochefoucauld.

I.

Въ литературѣ рѣдко выпадаютъ солнечные дни, когда надъ читающимъ міромъ взойдетъ какое-либо великое произведеніе — романъ, поэма, драма, въ теплѣ и свѣтѣ которыхъ нѣжится цѣлое поколѣніе. Таковы были полные цвѣтущей жизни романы Тургенева, Гончарова, Льва Толстого, поэмы Пушкинской школы, вѣявшія поэзіей и радостью существованья. Обыкновенно-же въ литературѣ держится сѣренькій, истинно петербургскій климатъ: не переводятся сырые и пасмурные романы, унылыя, съ воемъ вѣтра и дождемъ чувствительныхъ слезъ стихотворенія, холодныя, темныя разсказы... Тоску наводитъ такая поэзія; если и блеснетъ изъ-за тучи свинцовыхъ листовъ лучъ таланта, вдохновенія, если и покажется кусочекъ настоящаго, лазурнаго неба, то развѣ на полчаса, и затѣмъ снова тянется сѣренькая, назойливая непогода. Но бываютъ иногда и бури въ литературномъ мірѣ — благодатныя грозы для ранней и гибкой мысли и сокрушительныя для стараго лѣса суевѣрій. Шумятъ, колеблясь всѣми вѣтвями, молодые умы, чтобы затѣмъ, освѣженные энергическимъ движеніемъ, выпря-

миться еще стройнѣе; шумять, покачиваясь и скрипя, старыя настроенія, чтобы если не рухнуть, то дать новыя трещины въ одряхлѣвшемъ тѣлѣ. Такою бурей пронеслись нѣкоторые романы Достоевскаго, сатиры М. Салтыкова-Щедрина, комедіи Островскаго, статьи знаменитыхъ критиковъ и публицистовъ. Такимъ-же грозовымъ характеромъ отличаются и произведенія Л. Толстого послѣ «Анны Карениной». Всѣ они—и тѣ, которыя доходятъ до русскихъ читателей, и тѣ, которыя проносятся далеко по горизонту, появляясь лишь въ иностранной печати—всѣ они насыщены не солнечнымъ свѣтомъ, а напряженнымъ электричествомъ, громами и молніями мысли, какъ-то загадочно родящимися изъ тѣхъ нечистыхъ испареній, которыя поднимаются къ душѣ писателя съ поверхности жизни. Статьи Толстого производятъ рѣзкое впечатлѣніе, о нихъ много и долго пишутъ, много говорятъ и даже спорятъ безъ конца. Стоитъ вспомнить появленіе «Крейцеровой Сонаты» или «Плодовъ просвѣщенія». Менѣе рѣзкій, но все-же сильный шумъ вызвала и статья Толстого «Недѣланіе».

Несомнѣнно, хотѣ немногимъ читателямъ эта статья понравилась, но огромное, подавляющее большинство—противъ нея. Автора нетолько оспариваютъ, но и *бранятъ*—точно такъ-же какъ и послѣ «Крейцеровой Сонаты», «Исповѣди» и т. п. Бранятъ иные сдержанно, иные—неистово и неприлично. Вообще никакъ нельзя сказать, чтобы Толстой въ своей роли «пророка» встрѣтилъ теплыя объятія въ литературной семьѣ или среди читателей. Сторонники у него есть, но есть и противники, да еще и какіе! Нѣсколько лѣтъ тому назадъ когда этотъ писатель высказалъ мысль, что настоящіе призваніе женщины—рожать дѣтей и кормить ихъ, одна либеральная и образованная дама сейчасъ-же заявила въ печати, что на эту мысль слѣдуетъ отвѣчать *пощечиной* Льву Толстому... И подобныхъ «дамъ обоюго пола» находится не мало среди читателей, хотя не всѣ, конечно,

сообщаютъ свѣту свои проекты. Въ современной литературѣ, кажется, кромѣ Страхова и Лѣскова^х нѣтъ видныхъ защитниковъ Толстого; развѣ еще одинъ г. Буренинъ иногда замолвить словечко за великаго писателя въ своихъ очеркахъ. Одинъ еще недавно пылкій поклонникъ Толстого, г. О.^х—и тотъ выступилъ противъ него въ походъ; онъ называетъ мысли Толстого «удивительными наивностями», «каламбурами», «игрою словъ», «плодами недоразумѣнія, недостаточнаго знанія» и т. п., а самого престарѣлаго автора «Войны и мира» называетъ... «геніальнымъ *ребенкомъ*», и кажется, безъ надежды, чтобы этотъ «ребенокъ» (ему уже седьмой десятокъ идетъ) когда-либо созрѣлъ. Но г. О. все-же не отказываетъ ребенку, о которомъ рѣчь, *хотя* въ геніальности. Значительное большинство журналистовъ и публицистовъ встрѣтили «Недѣланіе» еще жесточе и, именно вродѣ названной «дамы обоего пола». Не успѣла статья появиться въ свѣтъ, какъ въ нее просто съ сладострастіемъ какимъ-то вцѣпились газетные рецензенты — и ну куврыться съ нею по подваламъ печати. Слово, написанное великимъ старцемъ, уже глядящимъ въ вѣчность, выношенное въ его сердцѣ какъ плодъ долгаго жизненнаго опыта, оказалось, видите-ли, необыкновенно подходящимъ для остротъ и каламбуровъ,—дотого, что даже извѣстная умная голова русской критики, г. С.^х не воздержался отъ искушенія лягнуть стараго льва русской литературы, благо это совершенно безнаказанно. Авторъ «Войны и Мира», какъ извѣстно, ни на какіе журнальные вызовы не отвѣчаетъ, идя невозмутимо своею дорогой, и не какъ левъ, а скорѣе, какъ слонъ басни. Но это-то можетъ быть, «и духу придаетъ» разнымъ критикамъ; они осмѣиваютъ и язвятъ своего великаго собрата очень звонко. Напримѣръ, въ «Недѣланіи» онъ неосторожно сослался на ученіе Лаодзы, китайскаго философа, на его принципъ Тао (что значить добродѣтель, истина). Это словечко «Тао» оказалось просто находкой для уличной

прессы. Тао! Ха-ха! Что такое Тао? Да это вот что: это «таё, таё»... помните у толстовскаго Акима изъ «Власти тьмы»... Такъ скоро и просто рѣшенъ былъ смыслъ «Недѣланія». Но и не только уличные листки: одна большая и либеральная петербургская газета, поиздѣвавшисъ надъ авторомъ статьи, выпустила въ своемъ рекламномъ журнальчикѣ даже каррикатуру на «Недѣланіе», гдѣ человѣчество представлено одичавшимъ и отпустившимъ обезьяньи хвосты подъ непосредственнымъ вліяніемъ идей Толстого. Легіонъ провинціальныхъ фельетонистовъ—просто со смѣху померли, разбирая эту статью. Но можетъ быть, это только въ печати, почему-либо недолюбливающей Льва Толстого, обнаруживается такая вражда къ нему? Нѣтъ, совершенно такое-же, по серьезности и приличію, отношенію къ великому писателю замѣчается и въ обществѣ: общественное мнѣніе—резонансъ печати. Мнѣ приходилось слышать въ весьма интеллигентныхъ семействахъ, отъ лицъ съ учеными степенями, буквально площадную брань на Толстого—не говоря уже о пренебрежительныхъ кличкахъ вродѣ «профанъ», «недоучка», «невѣжда». Толстой, какъ извѣстно, упустилъ единственный случай сразу на всю жизнь, въ одинъ мигъ сдѣлаться ученымъ—дождаться въ университетѣ билета на образованность. Онъ вышелъ съ третьяго курса, и конечно, съ тѣхъ поръ, въ продолженіе 40 лѣтъ, не прочолъ ни строчки, ничего не наблюдалъ и ни о чемъ не мыслилъ. Развязное мнѣніе Макса Нордау, будто Толстой—«вырождающійся» вмѣстѣ съ Зола, Вагнеромъ, Ибсеномъ и т. п., противники нашего писателя подхватили какъ манну небесную; вотъ оно, желанное слово: Толстой—психопатъ, сумасшедшій, котораго слѣдуетъ посадить въ сумасшедшій домъ. Смутно чувствуя, однако, что въ столь рѣшительномъ приговорѣ не все благополучно, ругатели не настаиваютъ непремѣнно на горячечной рубахѣ, а пробуютъ убѣдить всѣхъ только въ глупости Толстого. «О, да, конечно, говорятъ они:—Толстой великій художникъ, но зато пло-

хой мыслитель». Эта фраза повторяется неизмѣнно всѣми противниками великаго писателя, которые, «конечно, не великіе художники, но»... Досказывать выводъ, шадя ихъ скромность, я не буду.

II.

Таково господствующее отношеніе въ обществѣ къ Льву Толстому и именно къ тѣмъ его трудамъ, которые цензура допустила безпрепятственно, не находя въ нихъ ничего безнравственнаго или противозаконнаго. Само читающее общество оказывается несравненно придирчивѣе цензуры; оно обнаруживаетъ удивительную нетерпимость къ оригинальной мысли; оно не прочь было-бы «зажать ротъ» даже такимъ людямъ, какъ Толстой: именно этотъ смыслъ имѣютъ вопли, что онъ «сумасшедшій», что онъ «Веліалъ, князь тьмы», и т. п. Редакціи завалены рукописями въ обличеніе Толстого; на одной изъ подобныхъ рукописей мнѣ встрѣтился такой эпиграфъ: «Надо всѣми мѣрами стараться спасти общество отъ взбѣсившагося челоуѣка, хотя-бы это былъ самъ Гомеръ». Слышите: доказывается необходимость *спасти* общество отъ *взбѣсившагося* яснополянскаго Гомера. Однако, въ чемъ-же проявляется «бѣшенство» этого писателя? Быть можетъ, онъ проповѣдуетъ возстаніе, убійства, динамитные взрывы и т. п.? Нѣтъ, онъ ихъ сурово осуждаетъ: онъ учитъ не бороться дурными средствами даже со зломъ. Или онъ учитъ воровству, разврату и т. п.? Нѣтъ, онъ учитъ оказывать всѣмъ дѣятельную помощь и придерживаться, по возможности, безусловнаго цѣломудрія. Но можетъ быть, все это теорія, за которою, какъ за ширмою, скрывается самая ужасная практика? «Практика» Толстого извѣстна: живетъ онъ десятки лѣтъ въ деревнѣ, долгое время училъ деревенскихъ ребятъ и писалъ превосходные романы, а недавно устраивалъ столовые для голодныхъ. Въ тяжелые, черные дни, когда обнаружился небывалый голодъ, когда общество растерялось и не знало съ чего

начать,—не кто иной какъ именно «взбѣсившійся Гомеръ» указалъ, что нужно дѣлать, и первый, несмотря на старческую немощь, отправился кормить народъ. Именно по *его* мысли сразу раскинулась на тысячу верстъ сѣть столовыхъ, частныхъ, правительственныхъ, удѣльныхъ и земскихъ, которыми удалось спасти миллионы жизней. За одну эту мысль, за это изобрѣтеніе, оказавшееся столь пригоднымъ въ минуту большой опасности, Толстой заслужилъ благодарную память; не менѣе удивителенъ и личный примѣръ самоотверженнаго, полного нравственныхъ мукъ и опасности труда (опасности въ смыслѣ разны: вмѣстѣ съ голодомъ ходили тифъ и цынга). У насъ какъ-то мало замѣтили эту страничку жизни Толстого, но въ набожной Англіи, напримѣръ, она оцѣнена высоко. И вотъ, когда такой человѣкъ захочетъ сказать что-нибудь обществу, оно не терпитъ этого. На Западѣ—если включить Америку и колоніи—живутъ четыреста миллионовъ жителей, изъ которыхъ каждый можетъ публично разсуждать о чемъ, угодно, и опасности особой отъ этого незамѣтно. Тамъ считается, что человѣкъ, какъ-бы невѣжественъ и глупъ онъ ни былъ, не можетъ быть лишенъ права обратиться къ обществу, къ своимъ братьямъ-людямъ, со своею мыслью, и общество терпѣливо выслушиваетъ ее: вздорною мыслью пренебрегаетъ, хорошею пользуется. У насъ же общество возмущаетъ свобода мысли даже великихъ его писателей, даже тѣхъ, кто и по преклонному возрасту своему, и по положенію, и по жизненному опыту, и по гениальному таланту имѣетъ нѣкоторое особое, заслуженное право на вниманіе къ себѣ. Въ самомъ дѣлѣ, господа,—еслибы Левъ Толстой былъ даже *только* великій художникъ,—а этого *никто* не отрицаетъ,—то вѣдь и это что-нибудь да значить. Великіе люди такъ рѣдки! Кто-то вычислилъ, что они рождаются въ количествѣ всего *одной десяти тысячной* доли процента, и это на Западѣ, среди самыхъ даровитыхъ и образованныхъ расъ на

свѣтъ. У насъ, если вспомнить 120-милліонное населеніе (этой цифрой мы почему-то ужасно гордимся), — великихъ людей еще меньше. У насъ ихъ поразительно мало. Даже не только великихъ, а и просто выдающихся такъ немного, что стоишь о безлюдьи, о невозможности для сколько-нибудь серьезной работы найти живого, даровитаго человѣка. Изъ вѣка въ вѣкъ у насъ нѣтъ «ни мысли плодovitой, ни геніемъ начатаго труда». Не говоря о безконечныхъ матеріальныхъ потеряхъ — вѣдь все матеріальное рождается сначала въ мысли — общество лишено безцѣннаго идеальнаго блага, бодрящаго и облагораживающаго вліянія великихъ душъ. Россія обездолена въ отношеніи замѣчательныхъ людей, но если они и появляются, то часто умираютъ въ молодости, «оклеветанные молвой» — какъ Пушкинъ и Лермонтовъ — или задуренные бѣдностью, болѣзнью, непосильнымъ чернымъ трудомъ. Нѣжный стебелекъ иной, высокой породы, попавъ въ суровыя наши условія, вянетъ и гибнетъ. Развѣ не жаль, въ самомъ дѣлѣ, великихъ названныхъ поэтовъ, и развѣ мы не дали-бы много, чтобы возвратить ихъ? Однако, еслибы они явились снова, мы, пожалуй, снова сочли-бы ихъ «бѣшенными», «опасными» и подвели-бы какую-нибудь интригу, чтобы погубить ихъ. Если нѣкоторымъ великимъ писателямъ 40-хъ годовъ удалось избѣжать этой участи, то нужно вспомнить, что середина этого вѣка была благопріятнѣе для замѣчательныхъ людей, нежели теперь. Цензура была, можетъ быть, и строже, но въ самомъ обществѣ подъ конецъ крѣпостной эпохи господствовало замѣтное уваженіе къ величію, замѣтная потребность мысли и потому терпимость къ ней. Какъ-бы ни была нова и непріятна мысль, она встрѣчала болѣе сознательное и просвѣщенное къ себѣ отношеніе. Впрочемъ, и тогда великіе писатели или жили за границей, какъ Тургеневъ, или вынуждены бывали уединяться отъ свѣта, какъ Гончаровъ, или изнывать въ непосильномъ трудѣ, какъ Достоевскій. Подъ конецъ XIX вѣка

психическія условія общества измѣнились къ худшему. *Единственный* оставшійся изъ семьи великихъ, и какъ многіе утверждаютъ—даже величайшій писатель земли русской, слава котораго соединена съ именемъ Россіи во всемъ свѣтѣ, онъ не въ чести у насъ. Онъ посланъ къ намъ свыше и ненадолго, и уже отходитъ, близится къ закату. Мы, живущіе какъ бы не замѣчая этого «въ вѣкъ Толстого» (какъ будетъ говорить потомство), могли-бы ощущать присутствіе этого рѣдкаго духа, способнаго вдохнуть и въ насъ часть своей жизни. Пусть намъ не нравятся многія его мысли, — отвѣргнемъ ихъ,—но будемъ-же цѣнить хоть то, что бесспорно цѣнно. Зная, что великій человѣкъ не вѣченъ, что онъ необычаенъ, что онъ единственный въ своемъ родѣ и никогда не повторится, общество, мнѣ кажется, должно было-бы окружить его благоговѣйнымъ вниманіемъ, стараясь проникнуть въ великую душу и вселить ее въ себя. Будь это Толстой, Тургеневъ, Достоевскій и т. п. — великій человѣкъ всегда есть святыня народная, и современное ему общество отвѣтственно за него предъ исторіей: скорбь, ему нанесенная, ляжетъ чернымъ пятномъ на нашу память. — Но, воскликнетъ иная пылкая дама,—если великій человѣкъ начнетъ говорить глупости и мерзости? Неужели и намъ соглашаться? Вздоръ! Долой авторитеты!.. и прочее. На это я отвѣчу, что соглашаться и ненужно. Не подчиняйтесь ничьему слову, если вашъ разумъ и совѣсть запрещаютъ это,—но ради всего великаго и святого — убѣдитесь *достоверно*, точно-ли *разумъ* и точно-ли *совѣсть* возстаютъ въ этомъ случаѣ. Вѣдь, можетъ быть, возстаетъ не разумъ, а неразуміе,—не совѣсть, а безсовѣстность. Можетъ быть, навстрѣчу свѣту изъ души вашей поднимаются не свѣтлыя, а мрачныя демоны. Торопливое сопротивленіе какой-либо не нравящейся мысли чаще всего — только желаніе заглушить свою совѣсть и заставить скрыться явившійся призракъ правды. Глубинами сердца смутно чувствуя, что это именно правда и